

Амис Я. *Последний козырь. Психологический триллер с элементами приключенческого романа.* — М.: Эксмо, 2018.

Успешная писательница Яна Амис — коренная москвичка, в настоящее время живет в Канаде. Для прозаика такого жанра у нее подходящая профессия — юрист, судебная переводчица-медиатор. Она часто публикует эссе, рассказы, повести на русском и английском языках. Ее произведения можно увидеть в журналах «Новый мир», «Русский век», «Новый свет» и др. Автор нашумевших шпионских детективов «Грязь», «Похищение банкира Фернандеза», серии «Слушать полночь», лауреат премии Эрнеста Хемингуэя. Включена в «Антологию российских писателей Северной Америки». В сборнике «Крым, я люблю тебя» (Эксмо, 2016) можно найти ее рассказ «Крымский пейзаж на счастье», отмеченный в газете «Аргументы и факты» и переведенный на другие языки. В 2017 году стала лауреатом североамериканского конкурса Дюка де Ришелье в номинации «Короткий рассказ» (рассказ «Обещание»).

Но, как известно, творческие роды каждый раз даются кровью.

Передо мной очередной, недавно вышедший в свет толстый роман-бестселлер «Последний козырь». Необычный по формату психологический триллер — яркая история с многолинейным сюжетом и неожиданными, закрученными поворотами. В многоплановом романе необходимо проследить писательским умением диспетчера всю логистику нескольких сюжетных трасс, идущих с разных сторон к одной идее, ради чего роман написан.

Две потерянные души, говорится в аннотации романа, два героя в пространстве Нового Света, один из

которых — «сумасшедший ученый» и поэт — напоминает другому, бывшему российскому моряку, его давно умершего младшего брата.

Помимо центральных драматических линий, в историю романа вплетается огромное состояние профессора Смолянского и его постоянная борьба с несправедливостью.

Гений Смолянский пишет в тайном «Дневнике любви» своей любимой Нине Светлой:

Я доверял ученым! Я себе представить не мог, что половина из них были подсадными утками, руководство их держало на высоких должностях, чтобы контролировать науку. До сих пор не понимаю, какой от них толк? Какой может быть толк от ограниченного недоучки, которого назначили быть ученым мужем?

Это не просто слова больного воображения, у гения есть свое видение мира. Пример подтверждения глубины представления шизоидного героя — теория про солнечные кружки, зайчики, которые отражаются на земле под деревьями:

Каждый такой кружочек есть не что иное, как миниатюрная естественная проекция Солнца на земле. И таких отражений миллионы. Вот такое чудо! Господь послал нам эти кружочки для изучения мироздания.

В книге приводится нехитрый чертеж этого явления, но с математическими формулами: «Мой расчет диаметра Солнца».

И дальше — достойная рацея автора устами героя:

Чудеса необходимо сначала видеть и ощущать, а потом уже отождествлять с чем-либо.

Кстати, хочется отметить, что «Дневник любви» Смолянского, как любой эмоционально насыщенный документ, помогал автору двигать события в романе, не давая читателю возможности передохнуть. В очередном отчете своей любимой Смолянским пишет:

С утра Марина и Сергей Григорьевич уходят на работу, и на их место заступает Людмила Владимировна. Я думаю, она заполонила Сергея своими ямочками. Пожалуйста, не удивляйся! Ямочками можно завоевать сердце мужчины так же просто, как и, ну, скажем, тонкой талией, или красивыми ногами, или другими частями тела...

Или:

...Марина Митрофановна и Людмила Владимировна полностью переписали его, как замечательную волшебную историю, в какой-то пошлый анекдотишко. Сергей Григорьевич более не роман со счастливым концом, а совсем несмешная побасенка, которую все скоро позабудут.

Аркадий Смолянский, страдающий от ревности, называющий себя понтификом Марком Антонином Аврелием, почти ежедневно пишет возлюбленной Ниночке о своей любви и о своих мироощущениях:

Тебе, наверное, интересно, кто меня может предать? Да и кто у меня есть, чтобы меня предавать? Как ты знаешь, я лицо антисоциальное, потому что не выношу идиотов и лунов, а на «воле» — волей я называю все пространство вне моей головы — находится масса врунов, чужих и моих собственных предателей.

Вторая душа в романе — еще один эмигрант, по матери — русский, по отцу — украинец, родом из Севастополя, где он оставил ушедшую от него жену и ребенка, сбежавший с корабля за границу, — российский моряк Сергей Козыренко.

Сначала в ночном приюте, из матросской жалости, он спасает соотечественника Аркадия Смолянского от приступа эпилепсии. Потом, узнав, что новый знакомый безмерно богатый и по-научному доверчивый, решает «пришвартоваться» к нему на короткое время в надежде получить доступ к его капиталу:

— И сколько лет ты собираешься по десять тысяч в месяц получать? — перешел Козырь к основной теме.

— До конца жизни.

Но по законам драматургии в романе черты и мысли моряка начинают изменяться: на место меркантильных интересов приходит настоящая привязанность к больному, беззащитному старику. Козырь (флотская кличка Козыренко) привыкает к Смолянскому, тот напоминает ему его младшего бра-

та-аутиста, больной беззащитный гений с неустойчивой психикой вызывает в нем такую же жалость и беспокойство.

Как такое возможно? — думал Сергей по ночам. — Сенина примочил — и даже совесть не мучает, а от братка никак не отлипну. Тревожно за него.

В нежеланной, по глупости, эмиграции Козыренко считает себя путешественником, он часто думает о возвращении на Родину, его беспокоят мысли о брошенном сыне. Он все еще надеется получить легкую наживу и обеспечить свою пока неустроенную жизнь чужим богатством, а потом разыскать семью и начать им помогать. Козыренко, знакомый по тюрьме с канадским правосудием, знает, что для получения опекунства над психонеустойчивым гением с последующим доступом к его богатству необходимо проявить себя как подходящую кандидатуру. Для этого ему нужно протянуть время общения с больным. Но все принимает другую эмоциональную окраску: под влиянием почти детского доверия профессора Козыренко невольно становится его другом. Он начинает искренне привязываться к «братку» — так моряк с любовью называет Смолянского. В Козыренко пробуждаются доброта, отзывчивость, чистота сердца — чувства, словно замороженные в нем в процессе выживания на чужбине.

Необычная линия в романе: дом богатых индустриалистов Гринвилей.

В начале романа есть прекрасная сцена, когда служанка Эрика (в триллере, полном неожиданных поворотов, Смолянский будет обвинен в ее убийстве) приходит к графине Веронике Гринвиль с «компроматом в животе» на ее мужа Артура — младшего близнеца дома Гринвилей, хозяина родовой компании «Гринвиль индастриалс», — и сообщает, что она беременна. Но Вероника не удивляется грехам мужа, это — его дело. Она призвана оберегать растущего под ее крылом наследника. Она предлагает гостью выпить по бокалу вина.

Роман отмечен возрастным цензом: 16+. Здесь много любовных сцен и размышлений по поводу близких взрослых отношений. События романа происходят на фоне двух таких отношений Козыренко — с Мариной Лафлер и массажисткой Людмилой Ереминой.

Придя в себя, он с трудом поднялся с земли, отряхнул приставшие к одежде сосновые иголки и протянул Людмиле руку. Она поднялась и попыталась его поцеловать.

— Этого мне не нужно было, отойди... — велел он угрюмо, когда она опять потянулась к нему с объятиями.

— Мог отказаться, — кокетливо заметила Людмила, не ожидавшая от себя такой внезапной страсти.

И Марина, и Людмила станут судьбоносными в его сложной и часто отчаянной жизненной ситуации.

Почему роман называется «Последний козырь»? Наверное, потому, что были и другие козыри. Роман большой, на каждом повороте сюжета нужно было шваль бить козырем. Так, Сергей Козыренко вовремя нажал на спусковой крючок и убил московского бандита Сенина, который пришел его ликвидировать, убил из самообороны, спасая себя и помогавшую ему с уходом за Смолянским Людмилу. Козырь вовремя изымает дневник «брата» из дома, до обыска полиции. Ценные записи в дневнике становятся последним козырем в пользу большого профессора в запутанном ложном обвинении в убийстве Эрики.

Автор как бы предупреждает: тяжела судьба эмигрантов, в том числе и в Канаде, где разворачивается действие романа, каждый описанный в триллере поступок — предупреждение испытания судьбы.

Даже тогда, когда все пути к продвижению сюжета отрезаны драматическими обстоятельствами, Яна Амис выручает неожиданной связкой той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора. Например, на «обкате» новой гоночной машины происходит авария, старший близнец Фредди Гринвиль чудом остается в живых, но в аварии погибает его жена и любовница младшего близнеца Артура — Аманда. Когда читаешь триллер, иногда кажется, что смотришь фильм: диалоги и события летят, как лента кинофильма, — и невольно сопреживаешь и принимаешь участие в событиях.

Амис известна своим мастерством переносить действия из одной ситуации в другую, из одного пространства в совершенно противоположное посредством создания незаметных «мостов». Это качество автора прослеживалось и в ее предыдущих шпионских детективах, где события каждой главы переносят читателя в другую страну.

Стиль романа быстрый, фразы краткие. Например, картины природы даются только в некоторых местах, и то несколькими короткими строками. Это оттого, что из авторов, условно разделенных на созерцателей, как Лев Толстой, и на аналитиков, как Федор Досто-

евский, Яна Амис судьбой выбрана быть аналитиком. Смотрите, как много остается сведений между строчками при мастерстве глубокого проникновения в ткань содержания:

— Как ты можешь себя так унижать? — с горечью спросил Фредди. — Мне больно за тебя и за нас.

— Дорогой, «нас» уже давно нет, о чем ты говоришь? — отвечает жена Фредди Гринвилля — наркоманка Аманда.

И он вдруг осознал: «их» действительно уже давно не было, а скоро не станет и ее самой.

Попробуем также кратко развязать клубок драматических линий.

Из дома Фредди Гринвилля исчезает служанка Эрика, но она не простая служанка из Колумбии, ее разыскивает Интерпол. Смолянского арестовывают по обвинению в ее исчезновении, на видеокамерах в особняке Фредди Гринвилля четко запечатлен Смолянский, который наведывается в дом Гринвилей с подарками для служанки. Эрику в конце концов находят на участке усадьбы Фредди Гринвилля. Эксгумация показывает, что она была беременна от другого, и не Смолянского. Но кто-то же должен отвечать за незаконный арест и допросы психически неуравновешенного профессора, которого лишили необходимых лекарств и надломленную психику которого подвергали еще большему стрессу? Читателю будет, безусловно, интересно заглянуть в «серые пространства» западного правосудия и посмотреть, как оно работает и как — нет.

Важно отметить знание автором тонкостей болезней героев и поведенческих аспектов. Болезнь Смолянского становится не иллюстрацией, а двигателем развития действия: читая триллер, можно видеть развитие и обострение паранойи Смолянского и наблюдать, на какие уловки способен человеческий мозг во имя достижения любой иллюзорной мечты. Автор демонстрирует, как часто ординарному человеку и даже профессионалам не по плечу отличить адекватное поведение от, по сути дела, неадекватного, надуманного поведения, придуманного шизофренической паранойей больного. Вот диалог после побега Смолянского из сумасшедшего дома:

Скрипя зубами, он забрался в автобус и плюхнулся на переднее сиденье. «Как таким слепым идиотам позволяют развозить граждан на общественном транспорте?» — в сердцах сплюнул Аркадий. Он потер ушибленное место, но от прикосновения локоть заболел еще сильней. Они отъехали.

— Что случилось? — поинтересовался водитель, разглядывая странного пассажира в зеркало.

— Закрылся, старый дурак, снаружи. Вышел на улицу собачку покормить, а ключи в доме забыл, дверь раз — и захлопнулась, — мастерски сорвал Аркадий Борисович.

Роман Яны Амис «Последний козырь» будет интересно прочитать каждому юристу, каждому социальному работнику, психологам и тем, кому приходится ежедневно ухаживать за психически неустойчивыми людьми.

Несмотря на запутанность сюжета и острые проблемы, выдвигаемые автором, основной посыл в романе прост: это необходимость любви и то, как причудливые изгибы в судьбах людей могут перейти в другое измерение — измерение жизни, где благодаря любви возможно победить не иллюзорные, а реальные недуги.

Автор убедительно описывает даже любовь к братьям нашим меньшим. Вот как трогательно встречает своего «усыновленного» четырехногого питомца Аркадий Борисович, когда к нему в сумасшедший дом наконец-то пропускают Марину и Ромба.

— Собачечка моя дорогая, Ромбик мой любимый, — плакал от счастья Смолянский, целуя терьера в ушки и нос. — Абсолютно удивительное животное... И не забывайте, Марина Митрофановна: собака — друг человека, но не каждый человек — друг!

Без любви исчезают гении и простые люди. В романе — все на нерве, и на выживании, и на любви: Козыря — к Смолянскому, к своему брошенному в России семейству; Людки и Марине — к Козырю; Смолянского — к Нине и терьеру Ромбу.

Проникновенно читается в дневнике решение Смолянского:

Я пришел к выводу, что как только у людей забирают их любимых, они гибнут, моя светлая! Это необратимый и, я полагаю, нейрохимический процесс. Мы же все оферомонены друг другом. Это как цветочная пыльца: нет пыльцы — нет цветка. Нету человека. Поэтому их так называемое лечение никому не нужно. Что они могут предложить вместо любви?

В финале романа Аркадий Смолянский все же решает покончить жизнь самоубийством, чувствуя, что его предали все любимые им люди. Перед суицидом Смолянский пытается избавиться от своего драгоценного «Дневника любви» в прачечной на самом верхнем этаже высотки, где он «так счастливо жил с Сергеем Григорьевичем, пока не появилась эта профурсетка Марина Лафлер», и помещает его в стиральную машину. Но документ, большей частью уничтоженный в водяном вихре, спасет Марина, и на одной уцелевшей страничке ей удастся разглядеть мелкие красные буквки и прочитать размытые слова: «ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...»

Борис Рябухин, поэт, прозаик, критик

